Вестник Тверского государственного университета. Серия "ФИЛОСОФИЯ". 2026. № 2 (76). С. 205–214

ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОСОФИЯ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 1(091):321.01+17.023.1

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.2.205

Переосмысление средневековой рецепции «политики» Аристотеля в западных исследованиях

В.В. Жулев

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Статья посвящена обзору западных исследований рецепции аристотелевской «Политики» в средневековой политической мысли. На протяжении долгого времени в многочисленных статьях, монографиях и учебной литературе было принято вслед за В. Ульманном повторять, что возвращение «Политики» в Европу стало моментом рождения современной политической теории, поскольку старая августиновская парадигма уступила свое место политическому аристотелизму, давшему мыслителям богатый инструментарий для десакрализации политики. В относительно недавнем прошлом проблема восприятия «Политики» стала предметом научной дискуссии среди западных историков. Современные исследования начинают развенчивать миф об аристотелевской революции в политической философии после 1260 г. Можно констатировать, что опровержение концепции В. Ульманна зашло столь далеко, что само понятие политического аристотелизма стало проблемным. Несмотря на то что по многим вопросам историки так и не смогли прийти к общему знаменателю, усилия зарубежной медиевистики позволили по-новому взглянуть на средневековую рецепцию Аристотеля, которая оказалась куда более сложным явлением, чем это было принято считать ранее.

Ключевые слова:*рецепция, «Политика», Аристотель, Средневековье, политическая философия.*

Одно из первых упоминаний «Политики» в Европе содержится в трактате «О разделении философии» (DedivisionePhilosophiae) Доминика Гундиссалина (ок. 1115 – после 1190) – известного переводчика толедской школы, организованной архиепископом Раймундом (1125–1152) [11, p. 136]. Однако если рассмотреть это упоминание в контексте рассуждений Гундиссалина, то становится очевидным, что он не имел возможности ознакомиться с аристотелевским сочинением, поскольку его настойчивое стремление определить политику как часть этики противоречит не только самой «Политике», но и, например, «Никомаховой этике» [1, с. 55]. Действительное возвращение «Политики» в Европу

© Жулев В.В., 2026

было связано с именем Вильгельма из Мёрбеке (1215–1286), который в начале 1260 г., находясь в Греции, перевел 1-ю книгу и часть 2-й, а затем в 1265 г. при папском дворе в ходе перевода CorpusAristotelicum вновь принялся за полный латинский перевод «Политики», завершенный примерно в 1268 г. С этого момента ссылки на «Политику» становятся обычным делом, а ее влияние на политические сочинения, созданные в конце XIII в., несомненно. Показательным является трактат «О королевской власти к королю Кипра» (De regno, ad regem Cypri) Фомы Аквинского (1225–1274), созданный в 1271–1273 гг. [12, p. 129]. Согласно Ю. Митке, эта работа является знаковой, поскольку Фома обновил жанр «зерцал князей», подняв его на уровень аристотелевской науки, которая к этому моменту была прекрасно им усвоена [28, p. 87]. Сходную оценку высказал и отечественный исследователь А. Марей [2, с. 88].

Значительную роль «Политика» сыграла и в традиционном для Средневековья споре между духовной и светской властью, который был инспирирован действиями Филиппа IV. На это аристотелевское сочинение для обоснования собственных тезисов ссылались как сторонники Бонифация VIII [20], так и противники папского абсолютизма [22].Х. Флюэлер констатирует, что за короткое время после появления полного латинского перевода «Политики» проблема правления стала ведущей темой в рамках политической философии [15, p. 1]. Все вышесказанное подводит к постановке вопроса: стало ли повторное открытие аристотелевской «Политики» главной причиной возникновения многочисленных политических сочинений позднего Средневековья? Утвердительный ответ на этот вопрос закономерно приводит к мысли, что политическая философия после 1268 г. обязана «Политике» не только концептуальным словарем, но и содержанием. В пользу этого говорит как наличие 88 сохранившихся комментариев к аристотелевской «Политике», так и существование университетских курсов, посвященных этому тексту, которые читались с 1389 г. в Вене, с 1439 г. в Кане, с 1456 г. в Грайфсвальде [12, p. 131].

На протяжении долгого времени среди исследователей существовал консенсус относительно вышеподнятого вопроса. По мнению многих авторов, появление «Политики» стало революционным событием, после которого средневековая политическая теория стала исключительно аристотелевской. Это привело к тому, что политические сочинения таких авторов, как Фома Аквинский, Птолемей Луккский (1236–1327), Эгидий Римский (1243/1247–1316), Иоанн Парижский (1250–1306), Данте Алигьери (1265–1321), Энгельберт Адмонтский (1250–1331), Уильям Оккам (ок. 1287–1347) и др., утратили ценность самостоятельных произведений. Например, Ч. Дэвис называл Птолемея Луккского еще большим приверженцем Аристотеля, чем Аквинат, Данте и Марсилий [9, p. 416]. В своей монографии А. Демпф характеризовал трактат «О правлении князей» (De regimine principum) Эгидия Римского как пересказ «Политики» [10, p.

449]. Исследователь наследия Данте Э. Мур подчеркивал особое и глубокое знакомство поэта почти со всем корпусом аристотелевских текстов [29, p. 93], из чего можно сделать вывод о господствующем влиянии Аристотеля. Начиная с исследований Дж. Салливана Марсилий Падуанский стал восприниматься как верный последователь Аристотеля, без которого «Защитник мира» (Defensorpacis) был бы невозможен [38, p. 425; 39, p. 7–8, 16]. Обзорные работы по истории политической мысли Средневековья позволяют сделать вывод, что этот взгляд был принят в качестве общеизвестного факта [36, p. 291]. Оценка политической философии У. Оккама была еще более несправедливой, поскольку признавалось несомненное влияние Марсилия Падуанского на английского францисканца [4, p. 165]. Что же касается зависимости экклезиологии Оккама от Аристотеля, то ее в равной мере подчеркивали М. Грабманн и Х. Оффлер [17, p. 60; 18, p. 2–13].

Эти примеры позволяют показать, что для большинства исследователей политические труды позднего Средневековья появились вследствие возвращения аристотелевской «Политики». Тем не менее теоретическая модель, которая могла бы описать изменения в позднесредневековой политической теории в связи с появлением вышеупомянутого текста, появилась только во второй половине XX в. в работах В. Ульманна. Английский исследователь поставил перед собой амбициозную задачу объяснить развитие политической философии от начала Средневековья до XVI в. В результате своих многочисленных штудий В. Ульманн пришел к выводу о существовании двух теорий. Первая теория господствовала до 1260 г. и утверждала политическую модель, в рамках которой власть помещалась в трансцендентную сферу, т. е. находилась в руках Бога, а далее нисходила до духовных и светских владык. Революцию в политической мысли, согласно Ульманну, произвела аристотелевская «Политика» [42, p. 269]. Эта революция состояла в том, что, во-первых, государство получило свое обоснование в качестве высшего сообщества граждан, возникающего в ходе естественного процесса; во-вторых, мысль Аристотеля о том, что скорее должно править большинство, чем наиболее способные, дала обоснование народному суверенитету; и в-третьих, произошло резкое разделение этики и политики [43, p. 13]. Последнее, с одной стороны, позволило политике стать самостоятельной наукой, а с другой, рассматривать человека как политическое существо без привязки к морали и религии. Наиболее ярко свою позицию Ульманн выразил в монографии «Принципы правления и политики в Средние века» (Principles of Government and Politics in the Middle Ages): «Влияние аристотелевских теорий управления и его этических принципов на XIII в. повлекло за собой довольно радикальную переориентацию в области мысли. <…> Трудно указать на какое-либо иное историческое явление доктринального порядка, которому было суждено вызвать столь далеко идущие изменения, как Аристотелю» [44, p. 157]. Таким образом, после 1260 г.

наступает господство второй теории, опустившей источник власти в имманентный мир.

Как можно заметить, в рамках концепции В. Ульманна возвращение «Политики» привело к рождению новой самостоятельной политической теории в христианской Европе. Если до этого момента господствовал августиновский, или теологический, взгляд на политику, то теперь в руках мыслителей имелись инструменты, позволившие освободиться от политического августинизма и, следуя идеям латинского аверроизма, разделить политику и теологию [3, p. 38]. Кульминацией этого процесса стал «Защитник мира» Марсилия Падуанского.Х. Флюэлер назвал модель Ульманна слишком простой, чтобы она была правильной [15, p. 4], поэтому примерно через 10 лет начинают появляться первые исследования, в которых была представлена критика основных выводов английского историка [34, p. 309–324]. Однако наиболее полное опровержение концепции Ульманна произошло в относительно недавнем прошлом в работах Дж. Фиораванти [16, p. 17–29], Р. Ламбертини [23, p. 145–173] и Ю. Митке [27].

Несмотря на поспешность выводов и искусственность построений, идеи Ульманна имели по крайней мере одно положительное последствие – особый интерес исследователей к рецепции политической философии Аристотеля. То, что некогда считалось школьной истиной, теперь превратилось в проблему. Например, Дж. Блайт, завершая обзор основных трудов Птолемея Луккского, подчеркивает, что политический аристотелизм последнего был более ограниченным, чем считалось ранее [7, p. 135–136]. К. Недерман и М. Салливан в своих выводах идут дальше, утверждая второстепенную роль «Политики» для формирования республиканских взглядов Птолемея [31, p. 236]. Недавние исследования показали, что трактат «О правлении князей» (De regimine principum) Эгидия Римского весьма далек от парафраза «Политики». С. Ригби продемонстрировал зависимость Эгидия от аристотелевской «Физики» и трактата «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита [35, p. 259–313], а Р. Ламбертини удалось убедительно доказать, с одной стороны, значительное влияние «Никомаховой этики» и «Риторики», а с другой – что Эгидий читал аристотелевский корпус сочинений через призму существующих интерпретаций, содержащихся в комментариях и в имеющихся политических сочинениях, как, например, в трактате Фомы Аквинского «О королевской власти к королю Кипра» [24, p. 259; 25, p. 51–70]. Ревизии подверглась и точка зрения на Марсилия Падуанского. Во-первых, поиск аверроистских элементов в политической философии Марсилия оказался безрезультатным [33, p. 288–300]. К этому времени сама концепция политического аверроизма была подвергнута серьезной критике, поскольку до наших дней не дошел ни один комментарий к «Политике», созданный основными представителями латинского аверроизма [12, p. 128]. На дан-

ный момент современные исследования констатируют отсутствие какого-либо влияния Аверроэса на падуанца [40, p. 24]. Во-вторых, тезис об исключительной зависимости Марсилия от «Политики» подвергли сомнению работы И. Скотта, К. Недермана и В. Сироса [21, p. 59–79]. Их исследования показывают, что политическая философия Марсилия не является калькой «Политики»; ее сложность, сочетающаяся со смелостью суждений, обусловлена богатством источников, среди которых можно обнаружить, среди прочих, Августина (354–430), Маймонида (1135/1138–1204), аль-Фараби (872–950) и Авиценну (980–1037). Новое поколение медиевистов не обошло стороной и У. Оккама. Теперь тезис о его зависимости от Марсилия Падуанского считается устаревшим, а степень влияния Аристотеля на его политические сочинения стала предметом научной дискуссии [26, p. 207–224].

Последние исследования рецепции «Политики» Аристотеля постепенно формируют совершенно новое представление о влиянии этого текста. В 90-е годы прошлого века К. Недерман и Ф. Бертоллони впервые поставили вопрос о том, чем был обусловлен перевод «Политики», и установили, что главную роль в этом сыграл факультет свободных искусств Парижского университета [5, p. 34–73; 30, p. 179–194]. Р. Ламбертини и Ю. Митке независимо друг от друга показали, что «Политика» не имела монополии в политической теории, как это было принято считать ранее [23, p. 145–173; 27, p. 1–24]. Например, Эгидий Римский мог практически не ссылаться на «Политику» в вопросе о власти Папы Римского, а Оккам обходился без Стагирита в защите теории бедности францисканцев. Таким образом, современные исследования показали, что рецепция политической философии была весьма различна и противоречива, а сама концепция политического аристотелизма была поставлена под вопрос. Э. Блэк, К. Убль и К. Недерман дали три взаимоисключающих ответа на этот вопрос. Наиболее радикальную точку зрения высказал Э. Блэк, который видит в политическом аристотелизме концептуальный словарь, использовавшийся средневековыми теоретиками чрезвычайно свободно [6, p. 211]. К. Убль свел политический аристотелизм к двум аристотелевским идеям из первой книги «Политики»: человек – это политическое и социальное животное и строгое разделение семейного и публичного [41, p. 260]. Позиция К. Недермана заключается в том, что о политическом аристотелизме того или иного автора можно говорить исходя из определенного подхода, который был выбран для исследования, а не из совокупности идей [32, p. 563–585]. Этот подход американский исследователь прочно связывает с аристотелевской классификацией наук.

Следует отметить, что каждый из трех подходов имеет значительные слабости. Если принять позицию Э. Блэка, то исследование средневековой рецепции «Политики» должно превратиться в историю о том, как мыслители вырывали из контекста цитаты и использовали их для своих целей, несмотря на то что политическая теория Аристотеля либо

была неприспособленна к рассматриваемой теме, либо давала противоположный намерению автора ответ. Не согласуется со взглядом Э. Блэка богатая традиция комментирования «Политики», которая была чрезвычайно далека от столь свободного прочтения. Эссенциалистский подход К. Убля тоже не выдерживает проверки, поскольку по крайней мере идея человека как социального существа была известна средневековым авторам благодаря Цицерону задолго до перевода «Политики». Исчерпывающая критика трактовки К. Недермана была дана Х. Флюэлером. Немецкий исследователь заметил, что если связать политический аристотелизм с темой аристотелевской классификации наук, то, с одной стороны, таких авторов XII в., как Иоанн Солсберийский (1115/1120–1180), Алан Лилльский (ок. 1128–1202/1203), Петр Кантор (ум. 1197) и Симон из Турне (ок. 1130–1201), следует отнести к аристотеликам, тогда как, с другой, Марсилий Падуанский должен быть, наоборот, исключен [15, p. 8].

Заключение

Подходя к заключению, следует отметить, что средневековая рецепция аристотелевской «Политики» уже несколько десятилетий является предметом многих научных исследований. Многочисленные статьи и монографии постепенно переворачивают устоявшиеся представления о влиянии политической философии Стагирита на средневековую политическую мысль. Значительно расширилась и исследовательская база, о чем свидетельствуют работы Х. Флюэлера [13, p. 193–229; 14], акцентировавшие внимание на многочисленных комментариях к «Политике». Нельзя обойти вниманием и специальный выпуск журнала «Vivarium», целиком посвященный восприятию «Политики» в позднесредневековой философии [45]. Этот выпуск стал отражением продолжающихся исследований, нацеленных на выяснение характера аристотелевского влияния на средневековую политическую мысль, а также на анализ того, как средневековые авторы подходили к данному тексту и использовали заложенные в нем концепции. Следует также отметить сборник статей немецких исследователей, вышедший в 2008 г. под названием «Политический аристотелизм: рецепция аристотелевской "Политики" от Античности до XIX века». Значительное место в этом сборнике принадлежит работам, посвященным периоду Средневековья. Статья И. Зёдера показывает значение аристотелевской «Политики» для формирования представлений Альберта Великого о политике как научной дисциплине и ее месте в системе наук [37, p. 53–76]. В своей работе Ю. Митке кратко анализирует сочинения Фомы Аквинского, Эгидия Римского и Марсилия Падуанского, сосредоточивая внимание на том, как эти авторы вольно или невольно изменяли политическую философию Аристотеля [28, p. 77–111]. Завершают раздел статьи Ф. Грегорио и Н. Брискорна. Первая работа посвящена переводу «Политики» на французский язык, осуществленному Николаем Оремом [19, p. 112–133]; вторая показывает роль политической философии Стагирита в трудах Франсиско де Витория [8, p. 134–172].

Таким образом, можно констатировать, что на данный момент исследование рецепции аристотелевской «Политики» является одной из достаточно широко обсуждаемых тем в рамках западных исследований. Однако, несмотря на многочисленные статьи и монографии, вышедшие за последнее время, следует заметить, что по многим вопросам до сих пор нет консенсуса. Например, политический аристотелизм, как можно было убедиться, является сущностно оспариваемым концептом. Предметом научной полемики является и степень влияния «Политики» на тот или иной политический трактат средневековых авторов. Тем не менее это никоим образом не обесценивает тех успехов, которые были достигнуты исследователями, представленными в этой работе. Их усилия позволили убедиться, что средневековая мысль была куда более оригинальной и весьма далекой от простого парафраза Аристотеля.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика // Сочинения: В 4-х т. Т. 4. М.: «Мысль», 1983.С. 54–293.
2. Марей А.В. Фома Аквинский и европейская традиция трактатов о правлении // Социологическое обозрение. Т. 15. № 2. 2016.С. 87–95.
3. Arquillière H.X. L'Augustinisme politique: Essai sur la formation des théories politiques du Moyen-Age. Paris:J. Vrin, 1955. 206 p.
4. Aubonnet J. Introduction // Aristote. Politique (Livres I et II). Paris: Scieted'Edition «Les Belles Lettres», 1960. P. VII-CCVI.
5. Bertelloni F. Politologische Ansichten bei den Artisten um 1230/1240. Zur Deutung des anonymen Pariser Studienplans HsRipoll 109 // Theologie und Philosophie, Bd. 69. Freiburg: Herder, 1994. S. 34–73.
6. Black A. Political Thought in Europe, 1250–1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 211 p.
7. Blythe J. Aristotle's Politics and Ptolemy of Lucca // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002. P. 103–136.
8. Brieskorn N. Spanische Spätscholastik: Francisco de Vitoria // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2008. S. 134–172.
9. Davis Ch. Roman Patriotism and Republican Propaganda: Ptolemy of Lucca and Pope Nicholas III. // Speculum, Vol. 50, № 3. Cambridge: Medieval Academy of America, 1975. P. 411–433.
10. Dempf A. Sacrum Imperium. Geschichte—und Staatephilosophie des Mittelalters und der politischen Renaissance. München:Verlag von R. Oldenbourg, 1929. 574 S.
11. Dominicus Gundissalinus. De Divisione Philosophiae / Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen. Bd. 4. Heft 2–3. Münster: Verlag der Aschendorfschen Buchhandlung, 1903. 408 S.
12. Flüeler Chr. Die Rezeption der "Politica" des Aristoteles an der Pariser Artistenfakultät im 13. und 14. Jahrhundert // Das Publikum politischer Theorie im 14. Jahrhundert. München, 1992. S. 127–138.

13. Flüeler Chr. Mittelalterliche Kommentare zur Politik des Aristoteles und zur Pseudo-Aristotelischen Oekonomik // Bulletin de philosophiemédiévale, Vol. 29. Turnhout, 1987. P. 193–229.
14. Flüeler Chr. Rezeption und Interpretation der Aristotelischen Politica im späten Mittelalter: Tl. 1 und 2. Amsterdam: B.R. GrünerVerlag, 1992.
15. Flüeler Chr. Politischer Aristotelismus im Mittelalter. Einleitung // Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden: Brill, 2002. S. 1–13.
16. GianfrancoF. LaPoliticaaristotelicanelmedioevo: lineediunaricezione//Rivistadistoriadellafilosofia. Vol. 52, № 1.Milan: FrancoAngeli, 1997.P. 17–29.
17. Grabmann M. Studien über den Einfluß der aristotelischen Philosophie auf die mittelalterlichen Theorien über das Verhältnis von Kirche und Staat. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1934. 161 S.
18. Offler H.S. lntroduction // Guillelmi de Ockham. Opera Politica I. / ed. by H.S. Offler. Manchester: Harper & Row, Barnes & Nobles Import Division, 1974. P. 1–13.
19. Gregorio F. Frankreich im 14. Jahrhundert: Nicole Oresme // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2008. S. 112–133.
20. James of Viterbo. De regimineChristiano: a critical edition and translation / ed. by R. W. Dyson. Leiden: Brill, 2009.333 p.
21. Joanna V. Scott Influence or Manipulation? The Role of Augustinianism in the DefensorPacis of Marsiglio of Padua // Augustinian Studies, Vol. 9. Charlottesville, 1978. P. 59–79.
22. John of Paris. On Royal and Papal Power / trans. by A. P. Monahan. N.-Y.: Columbia University Press, 1974. 197 p.
23. Lambertini R. Lo studio e la recezione della Politica tra XIII e XIV secolo //Il pensiero politico dell'età antica e medievale: dalla polis alla formazione degli stati europei, Torino:UTET Università, 2000.P. 145–173.
24. Lambertini R. Political Thought // A companion to Giles of Rome. Leiden, 2016. P. 255–274.
25. Lambertini R. Peter of Auvergne, Giles of Rome and Aristotle's Politica // Peter of Auvergne: University Master of the 13th Century. Berlin: Walter De Gruyter, 2015. P. 51–70.
26. Lambertini R. Wilhelm von Ockham als Leser der Politica. Zur Rezeption der politischen Theorie des Aristoteles in der Ekklesiologie Ockhams // Das publicum politischer Theorie im 14. Jahrhundert. München, 1992. S. 207–224.
27. Miethke J. De potestatepapae: die päpstliche Amtskompetenz im Widerstreit der politischen Theorie von Thomas von Aquin bis Wilhelm von Ockham. Tübingen: Mohr Siebeck, 2000. 347 S.
28. Miethke J. Spätmittelalter: Thomas von Aquin, Aegidius Romanus, Marsilius von Padua // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart; Weimar: J. B. Metzler, 2008. S. 77–111.
29. Moore E. Studies in Dante. Oxford: Clarendon Press, 1896. 399 p.
30. Nederman C. J. Aristotelianism and the Origins of Political Science' in the Twelfth Century // Journal of the History of Ideas, Vol. 52, № 2. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. P. 179–194.

31. Nederman C. J. Sullivan M. E. Reading Aristotle through Rome // European Journal of Political Theory, Vol. 7, № 2. London: SAGE Publications, 2008. P. 223–240.
32. Nederman C. J. The Meaning of Aristotelianism' in Medieval Moral and Political Thought // Journal of the History of Ideas, Vol. 57, № 4. Philadelphia, 1996. P. 563–585.
33. Piaia G. Averroismepolitique: anatomied'unmythehistoriographique // Orientalische Kultur und Europäisches Mittelalter. Berlin, New York, 1985. P. 288–300.
34. Renna Th. Aristotle and the French Monarchy, 1260-1303 // Viator, Vol. 9. Berkeley: University of California Press, 1978. P. 309–324.
35. Rigby S. Aristotle for Aristocrats and Poets: Giles of Rome's De regimine principum as Theodicy of Privilege // The Chaucer Review, Vol. 46, №3. Pennsylvania, 2012.P. 259–313.
36. Sabine G. H. A History of Political Thought, 3rd ed. N.-Y.: George G. Harrap& Co Ltd, 1961. 948 p.
37. Söder J. R. Hochmittelalter: Die Wiedergewinnung des Politischen // Politischer Aristotelismus Die Rezeption der aristotelischen Politik von der Antike bis zum 19. Jahrhundert. Stuttgart; Weimar: J.B. Metzler, 2008. S. 53–76.
38. Sullivan J. Marsiglio of Padua and William of Ockham, I // The American Historical Review, Vol. 2. N.-Y.: The Macmillan Company, 1897. P. 409–426.
39. Previté-Orton C. W. Marsiglio of Padua: Part II. Doctrines // The English Historical Review, Vol. 38, № 149. Oxford: OxfordUniversityPress, 1923. P. 1–18.
40. Syros V. Marsilius of Padua at the Intersection of Ancient and Medieval Traditions of Political Thought. Toronto: University of Toronto Press, 2012. 305 p.
41. Ubl K. Engelbert von Admont. Ein Gelehrter im Spannungsfeld von Aristotelismus und christlicher Überlieferung. München: R. OldenbourgVerlag, 2000. 260 S.
42. Ullmann W. Law and Politics in the Middle Ages. An Introduction to the Sources of Medieval Political Ideas. Cambridge:Cambridge University Press, 1975. 320 p.
43. Ullmann W. A history of political thought: The Middle Ages. Ed. 1 and 2. Harmondsworth: Penguin Books, 1965, 1970.
44. Ullmann W. Principles of Government and Politics in the Middle Ages. London: Methuen & Co, 2010. 238 p.
45. Vivarium, Vol. XL, № 1. Leiden, 2002.

Rethinking the medieval reception of Aristotle's «politics» in western studies

V.V.Zhulev

Russian State University for the Humanities, Moscow

This article provides an overview of Western scholarship on the reception of Aristotle's Politics in medieval political thought. For a long time, numerous articles, monographs, and textbooks, following Walter Ullmann, commonly repeated that the return of the Politics to Europe marked the birth of modern political theory. According to this view, the old Augustinian paradigm gave way to political Aristotelianism, which provided thinkers with a rich toolkit for the desacralization of politics. In the relatively recent past, the problem of the

reception of the Politics became a subject of scholarly debate among Western historians. Contemporary research has begun to debunk the myth of an Aristotelian revolution in political philosophy after 1260. It can be stated that the refutation of Ullmann's concept has progressed so far that the very notion of political Aristotelianism has become problematic. Although historians have not been able to reach a consensus on many issues, the efforts of international medieval studies have allowed for a new perspective on the medieval reception of Aristotle, which has proven to be a far more complex phenomenon than previously thought.

Keywords: *reception, "Politics", Aristotle, Middle Ages, political philosophy.*

Об авторе:

ЖУЛЕВ Владислав Викторович – кандидат философских наук, ассистент кафедры истории зарубежной философии, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва. E-mail: wladislawking@gmail.com. ORCID: 0009-0000-1703-7078. SPIN-код: 8558-3527.

Author information:

ZHULEV Vladislav Viktorovich – PhD, Assistant, Department of History of Foreign Philosophy, Russian State University for the Humanities, Moscow. E-mail: wladislawking@gmail.com. ORCID: 0009-0000-1703-7078. SPINcode: 8558-3527.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026.
Дата принятия рукописи в печать: 25.05.2026.